

Милевский Олег Анатольевич*, доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Сургутского государственного педагогического университета.

Российская дальневосточная политика конца XIX – начала XX вв. в геополитической проекции Л. А. Тихомирова

В последние годы российское консервативное наследие привлекает всё больший интерес исследователей и практических политиков. Достаточно отметить, что о стремлении видеть консерватизм основой своей идеологической доктрины заявила правящая партия "Единая Россия". В ряду многочисленных теоретических ответвлений отечественного консерватизма наибольшее внимание привлекают сегодня идеи консерваторов конца XIX – начала XX вв., проповедовавших в своих работах идею проведения неотложных "национальных реформ", ориентированных на модернизацию политического строя Российской империи при сохранении самодержавия. Среди этих мыслителей особенно выделяются К. Н. Леонтьев, Л. А. Тихомиров и С. Ф. Шарапов.

Интересные, оригинальные, порой спорные идеи представителей этого направления долгое время оставались невостребованными, но сегодня во многом способны обогатить современную отечественную историческую, политическую и экономическую науку. Кроме того, они могут дать позитивный толчок к переосмыслению роли России в той геополитической ситуации, в которой она оказалась после краха коммунистической идеологии, распада СССР и осознания правящей элитой бесплезности слепого копирования либеральных ценностей Запада.

Поэтому именно геополитическая составляющая консервативного наследия не осталась без серьёзного внимания исследователей¹. Важное место в геополитических построениях консерваторов отводилось и

* olegmilevsky@riss.ru

¹ *Белякина В. Ю.* Внешнеполитические взгляды русских правых в начале XX века (1905–1914 гг.) : автореф. дис. канд. ист. наук. Кострома, 2005; *Омельянчук И. В.* Внешнеполитические проблемы в идеологии черносотенных партий в Российской Империи // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее : сб. науч. тр. / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2002. С. 113–122 (см. также: Межвуз. науч. конф. "Национальный вопрос в Европе в новое и новейшее время", Воронеж, март 2003 г.; "Правый консерватизм в России и русском зарубежье в новое и новейшее время", Воронеж, октябрь 2004 г. : матер. конф. URL: <http://www.conservatism.narod.ru/oktober2/oktober2.html>); *Репников А. В.* Внешнеполитические представления русских консерваторов (конец XIX – начало XX веков) // Задавая вопросы прошлому...

дальневосточному вектору российской внешней политики², ставшему объектом пристального изучения современных учёных³.

Одним из пионеров в разработке российской политики на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. был публицист и общественный деятель Л. А. Тихомиров⁴. Нельзя сказать, что историки совсем не уделяли внимания этой составляющей его интеллектуального наследия⁵, но многое в её изучении ещё предстоит сделать. Тем более что геополитические построения Л. А. Тихомирова имеют свою специфику – они напрямую связаны с его идеей об особой вселенской роли православной веры как единственной цельной хранительницы христианских духовных ценностей.

Трудно не согласиться с мнением ряда специалистов, что по географическому принципу "тихомировская концепция носила ярко выраженный антиевропоцентристский характер"⁶. Причём, рассуждая об особой миссии православия в мире, Л. А. Тихомиров в первую очередь имел в виду его распространение и продвижение на дальневосточные и азиатские территории, сопредельные с Россией. Подобное пространственное смещение православной экспансии разительно отличало его предложения от предложений представителей неославянофильских кругов, традиционно придерживавшихся панславистской и ближневосточной ориентации.

Ещё в 1891 г. Л. А. Тихомиров поместил в "Московских ведомостях" очерк "Сибирские вопросы", в котором призывал не только активнее осваивать русский Дальний Восток, но и предостерегал, что "мы должны иметь на Востоке не новую Балтику, не Финляндию, а настоящую Россию", указывал на необходимость осознания того обстоятельства, что хозяйственная колонизация и освоение этого региона государством

(к 75-летию проф. О. В. Волобуева) : сб. ст. М., 2006. С. 201–219; Россия: государственные приоритеты и национальные интересы / отв. ред. О. В. Волобуев. М., 2000.

² Ухтомский Э. Э. К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку. СПб., 1900; Его же. Перед грозным будущим. К русско-японскому столкновению. СПб., 1904; Карцов Ю. С. В чём заключаются внешние задачи России (Теория внешней политики вообще и в применении к России). СПб., 1908; Дусинский И. И. Геополитика России. М., 2003; Вандам А. Е. Наше положение. СПб., 1912; Сыромятников С. Н. Опыты русской мысли. СПб., 1913.

³ Бекасова В. Ю. Проблема Дальнего Востока в консервативной публицистике России начала XX века // Проблемы истории отношений России с афро-азиатскими странами : статьи, материалы и тезисы IX Всерос. конф. обществоведов. Владимир, 2004. С. 19–20; Сунь Чжицинь. Китайская политика России в русской публицистике конца XIX – начала XX веков. М., 2005.

⁴ Тихомиров Лев Александрович (1852–1923). В молодости – активный народоволец. С 1882 по 1988 г. жил в эмиграции. В 1888 г. публично отрёкся от революционных убеждений, написав работу "Почему я перестал быть революционером". Вернувшись в Россию, стал последовательным монархистом, сотрудничал с П. А. Столыпиным, издавал газету "Московские ведомости". В 1917 г. отошёл от политической деятельности.

⁵ Милевский О. А. Из истории русско-китайских культурных связей: Л. Тихомиров и его роль в пропаганде православия в Китае // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. Сер.: Философия, история. Томск, 1999. Вып. 1 (10). С. 54–59; Попов Э. А. Основные особенности и векторы внешнеполитической концепции Л. А. Тихомирова: к постановке проблемы // Ф. И. Тютчев (1803–1873) и проблемы российского консерватизма : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ростов н/Д., 2004. Т. 2. С. 147–151; Репников А. В. Консервативная концепция переустройства России. М., 2007. С. 223–273.

⁶ Попов Э. А. Указ. соч. С. 148.

должны идти рука об руку с религиозно-культурным проникновением, и в этом деле роль православной церкви, несомненно, главенствующая.

"Успехи православия – это успехи русского образа жизни, русских порядков"⁷, – подчёркивал он. Л. А. Тихомиров считал активную миссионерскую деятельность необходимой для того, чтобы уберечь новых "русских подданных от увлечения другими религиозными течениями", среди которых более всего он опасался буддизма, а потому предлагал активизировать православную пропаганду и на сопредельных с Россией территориях, особенно в Китае⁸.

Следует признать, что в своих построениях Л. А. Тихомиров был не одинок. Его предшественником можно считать Э. Э. Ухтомского, в 1890–1891 гг. сопровождавшего наследника престола Николая Александровича в его поездке по Дальнему Востоку и написавшего по её итогам многотомный отчёт⁹.

Оценивая взгляды Э. Э. Ухтомского, исследователь А. В. Репников подчёркивал, что "вопреки распространённому мнению Э. Э. Ухтомский отнюдь не идеализировал Восток (в частности, Китай), хотя и считал его гораздо ближе к России в геополитическом и духовном отношении, чем Запад"¹⁰.

Представители Санкт-Петербургских правящих сфер, чью точку зрения тогда во многом и отражал князь Э. Э. Ухтомский (и при участии которого в конце XIX – начале XX вв. активизировалась российская политика на Дальнем Востоке)¹¹, смотрели на Поднебесную империю в основном сквозь призму геостратегического и экономического интересов. Э. Э. Ухтомский подчёркивал, что "в Азии для нас в сущности нет и не может быть границ, кроме необузданного, как и дух русского народа, свободно плещущего у её берегов необъятного синего моря". Российская держава должна "стать тем, чем она от века призвана быть (мировой силой, сочетающей Запад с Востоком), или бесславно и незаметно пойти по пути падения"¹².

В отличие от геополитических построений того же Э. Э. Ухтомского, И. И. Дусинского и других Л. А. Тихомиров включал в приоритеты российской дальневосточной политики и социокультурный компонент, в первую очередь опирающийся на религиозную составляющую. Он рассматривал нашего дальневосточного соседа (Китай) как основного "конкурента" в борьбе за духовное влияние в регионе, а уж потом оценивал его с точки зрения экономического интереса и большой политики¹³.

Но в главном предложения Л. А. Тихомирова и Э. Э. Ухтомского совпадали: Россия должна придерживаться в отношении Китая более ясно очерченной политики. Это касалось и миссионерской деятельности,

⁷ Тихомиров Л. А. Сибирские вопросы // Московские ведомости. 1891. № 122.

⁸ Там же.

⁹ Ухтомский Э. Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества, Государя Наследника Цесаревича, 1890–1891. Т. 1–6. СПб., 1893–1897.

¹⁰ Репников А. В. Консервативная концепция переустройства России. М., 2007. С. 225.

¹¹ Витте С. Ю. Избранные воспоминания. М., 1991. С. 330–333.

¹² Цит. по.: Репников А. В. Указ. соч. С. 227.

¹³ Милевский О. А. Указ. соч. С. 52–53.

которая в дальнейшем должна была помочь России не только сохранить свои дальневосточные рубежи в неприкосновенности, но и способствовать укреплению российского влияния в самом Китае.

Развивая дальневосточную тему, Л. А. Тихомиров в 1894 г. помещает в "Русском обозрении" статью "Япония и Китай в Корее", где он на основе анализа итогов Японо-китайской войны 1894–1895 гг. не только перечислял очевидные интересы России в Тихоокеанском регионе, но и предупреждал об угрозе этим интересам на Дальнем Востоке, исходящей от возрастающей военной и экономической экспансии модернизированной Японии¹⁴. Военно-политическое закрепление России на новых дальневосточных рубежах, по мнению Л. А. Тихомирова, невозможно было бы без укрепления её социокультурного, и особенно религиозного, влияния.

Для Л. А. Тихомирова аксиомой являлся факт непосредственной связи внешнеполитических задач, стоявших перед Россией, и проводившейся в стране внутренней политикой. В 1895 г. появляется его статья "Нечто из внешних задач", в которой он прямо задаёт читателю вопрос: "Может ли Россия хотя бы во внутреннем устройстве стать сама собою без участия в жизни международной?" И сам же на него отвечает: "Разве внешняя политика не выясняет нам, между прочим, и того, чем мы должны быть внутри? Между делами внешними и внутривнутренними, вообще говоря, вовсе нелегко провести ясную границу, и особенно у нас, в России"¹⁵.

У Л. А. Тихомирова не вызывало сомнения, что Россия призвана играть мировую роль. "Она [*Россия*. – **Прим. авт.**] имеет свою историческую миссию, посредством которой – хочет или не хочет – живёт не для себя одной, а для всего мира"¹⁶, – подчёркивал он. Важнейшей же составляющей этой мировой роли было служение России ради возрождения и сохранения духа православия в человеческой цивилизации. Более того, он считал, что через осознание верховной властью и народом всемирной миссии России по распространению православия и в собственной стране можно будет достичь стабилизации внутривнутренних порядков на основе "церковно-государственной симфонии" (по выражению Л. А. Тихомирова). "Разные "вольные пророки" доводили у нас идею православия до чистого протестантизма... но вот мы видим, что болгары и абиссинцы заставляют нас вспомнить и идею церковности. Без сомнения, её легче вспомнить на внешних делах, но раз вспомнив – разве мыслимо не примерить ту же марку и ко внутренним отношениям"¹⁷, – писал он.

И всё же наибольший интерес у него вызывало продвижение православной культуры на дальневосточные границы Империи. Особенно в этом отношении его привлекал Китай. К этой стране на рубеже веков было приковано внимание и российских правящих кругов, и мыслящей части общества. Особенно после того, как в 1899 г. в Шандуне началось восстание *ихэтуаней* (в Европе его называли "боксёрским"). Одним из главных лозунгов восстания была борьба против иностранного

¹⁴ Тихомиров Л. А. Япония и Китай в Корее // Русское обозрение. 1894. № 12. С. 1050–1053.

¹⁵ Тихомиров Л. А. Нечто о внешних задачах // Там же. 1895. № 9. С. 377.

¹⁶ Там же. С. 383.

¹⁷ Там же. С. 381.

вмешательства в дела страны и против деятельности в Китае европейских религиозных миссий. К весне 1900 г. выступления начали приобретать ярко выраженный антиевропейский, в том числе и антирусский, характер, что крайне волновало российские консервативные круги. Характерна в этом отношении запись от 15 июня 1900 г. в дневнике А. С. Суворина: "Китайские события очень тревожат меня, больше, чем мое болезненное, дохлое состояние"¹⁸.

Но пока западные государства открыто не вмешались, нападения на религиозные христианские миссии, сопровождавшиеся убийствами крещёных китайцев и миссионеров, продолжались. Насилия такого рода повсеместно чинились *ихэтуанями* при негласной поддержке правившей Цинской династии. Следствием эскалации напряжённости стало появление в стране военных подразделений европейских держав, США и Японии, но это не помешало повстанцам уже при официальной поддержке императорской семьи занять Пекин и начать громить дипломатические представительства и религиозные миссии. Русская православная миссия в Пекине тоже была захвачена, разграблена и сожжена. По свидетельству очевидца событий, "православным китайцам пришлось претерпеть жестокие мучения и казни 10 и 11 июня 1900 г. Они считали себя безопасными от преследований как бывшие потомки казаков-албазинцев, исповедующие православную веру с разрешения пленившего их императора Канси, так и по принадлежности к знаменным китайским войскам.

Ихэтуани, однако, не считались с историей и правами, а преследовали одинаково всех китайцев-христиан, почему в эти дни было убито православных 222 человека: 75 мужчин, 76 женщин и детей обоего пола 71"¹⁹.

Кроме погромов в Пекине убийства православных китайцев были отмечены и в других регионах Цинской империи. Так, например, в православной китайской деревне Дунь Дунь-ань из четырёхсот крещённых местных жителей более трёхсот погибли мучительной смертью, а построенный там храм был разрушен²⁰.

На события в Китае Л. А. Тихомиров смотрел не только как на ущемление российских геополитических интересов, но и как на цивилизационный вызов христианству вообще и православию в частности. С точки зрения закрепления православия России было что терять в Поднебесной. К началу восстания подвижническими усилиями русских миссионеров на территории Китая существовали не только Пекинская православная миссия, созданная официально еще в 1728 г.²¹, но и две православные церкви в Пекине, храм в Ханькоу на Юге Китая, а также храм в деревне Дунь Дунь-ань, построенный при о. Исайте²².

¹⁸ Суворин А. С. Дневник. М., 1992. С. 291.

¹⁹ Корсаков В. В. Год в Пекине // Русская мысль. 1905. № 1. С. 104.

²⁰ Церковные ведомости. 1900. № 43.

²¹ Русская православная миссия в Китае официально существовала с 1728 г. и первоначально практически не занималась миссионерской деятельностью, сосредоточив внимание на изучении культуры страны. По Айгунскому трактату 1858 г. китайское правительство предоставило миссии полную свободу действий и обязалось не преследовать своих подданных за принятие христианства.

²² Тальберг Н. История русской церкви. Кн. 2. М., 1994. С. 773.

Начавшееся восстание грозило уничтожить ещё только наметившиеся ростки православной миссионерской деятельности в Поднебесной, что не могло не волновать Л. А. Тихомирова. Тогдашнее его настроение как нельзя лучше характеризует дневниковая запись, сделанная им в июле 1900 г.: "И вот того и гляди будем малодушны и в самую важную минуту восточной истории всё провороним, а это будет значить, что через несколько времени будем жертвой китайского нашествия. Это минута испытания для России... Но боюсь, испытание не выйдет удачным"²³.

В своих рассуждениях о политике России в Китае в период "восстания боксёров" Л. А. Тихомиров был неоригинален. Как и большинство "правых", он высказывался за "немедленное занятие Маньчжурии и усиление колонизации всего того, что в ней может быть колонизовано"²⁴. В целом его внешнеполитические оценки держались в русле предложений "ура-патриотов" из компании А. М. Безобразова – сторонников создания "Желтороссии". В отличие от С. Ю. Витте – сторонника "неподвижного Китая" (гарантом чего выступала Россия в Московском договоре 1896 г.) – "безобразовцы" требовали территориальных приобретений в Поднебесной империи, что, по сути, и привело к дальнейшему обострению англо-русско-японских противоречий на Дальнем Востоке, а в конечном счёте, и к Русско-японской войне 1904–1905 гг.

Л. А. Тихомиров, вдохновлённый видимой военной мощью России, не без основания опасавшийся за судьбу Пекинской миссии и принявших православие китайцев, высказывал подобного же рода предложения. "Мне не нравится, что мы действовали не открыто, – писал он. – Не брали прямо открытой благородной силой то, что безусловно необходимо для России (Порт-Артур, Маньчжурия)... Лучше прямо занять Маньчжурию во время войны, нежели заключать лукавые договоры"²⁵.

Подобные мысли он проводил и в ряде статей, опубликованных в "Московских ведомостях". Очень жёстко отозвался он на события в Китае в передовице от 12 августа 1900 г., критикуя политику Министерства иностранных дел во главе с В. Н. Ламздорфом в отношении Китая. На страницах дневника Тихомиров отмечал: "Я её писал специально для того, чтобы не промолчать, а в то же время и не одобрить глупого шага Ламздорфа"²⁶. Статью поддержали в правящих кругах Санкт-Петербурга, где "партия Безобразова" набирала силу. Однако в отличие от "безобразовцев", делавших ставку только на голую силу как решающий аргумент в пользу экспансионистских устремлений России на Дальнем Востоке, Л. А. Тихомиров не уставал приводить аргументы и в пользу необходимости активного религиозного проникновения в конфуцианский Китай.

Особенно чётко подобная позиция отразилась в цикле статей Л. А. Тихомирова в "Московских ведомостях" в сентябре 1900 г., объединённых общим названием "Китай, Россия и Европа". В них автор отстаивал право Европы и России вмешиваться в китайские дела,

²³ Государственный архив РФ (ГА РФ). Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 148.

²⁴ Там же. Л. 149.

²⁵ Там же. Л. 149.

²⁶ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 14.

обосновывая это тем, что все государства, в том числе и Цинская империя, образовывались за счёт завоевания. Он также обвинял китайские власти в ущемлении прав европейцев, выдвигая при этом явно пропагандистский тезис о том, что "человеческое право выше национального, и национальное право законно только в тех пределах, в которых не противоречит человеческому праву"²⁷.

Протестуя против обвинений цинских властей в адрес европейцев в том, что те распространяют христианство в Китае, Л. А. Тихомиров порицал российские правящие сферы и Русскую православную церковь (РПЦ) за бездеятельность в этом вопросе. Публицист предлагал российскому правительству и особенно РПЦ активизировать миссионерскую деятельность, приводя в пример успехи по распространению православного влияния в Японии. Л. А. Тихомиров, призывая к активизации дальневосточного направления в российской внешней политике, исходил из того, что "выступление китайско-монгольского мира на сцену будет всё равно неизбежно и что занятие Амура поставило нас в отношении Дальнего Востока на твёрдую позицию"²⁸. При этом он не соглашался с мнением некоторых представителей монархического лагеря и резко отзывался о тех разговорах, которые слышатся в России "против активной политики на Дальнем Востоке с указанием на то, что наша настоящая деятельность – на Востоке ближнем"²⁹.

Подобные суждения Л. А. Тихомирова позволяют нам отчётливее понять отличие его внешнеполитической позиции от позиции "неославянофилов". В своих статьях он смотрел на международную роль России значительно шире, выходя за рамки "святая святых" славянофильства – балканского и вообще славянского направления её внешней политики.

Не отрицая важности балканского и ближневосточного направлений во внешней и вытекающей из неё религиозной политики государства, он считал задачи ближне- и дальневосточной политики неразделимыми, полагая, что в обоих случаях "мировое значение России определяется тем, что ей судьбы Божии дали остаться хранительницей нераздельного христианства, в отличие от Европы, расколовшейся на католичество и протестантизм". В одной из статей он пишет: "Мы были только хранителями той истиной веры, а наша мировая роль в том, чтобы её активно распространять и на Дальнем Востоке. Россия могла быть объединяющим элементом для христианской религии, каким должна быть в будущем и на Ближнем Востоке"³⁰.

Столь смелые геополитические и религиозные проекты вызывали тогда отнюдь не однозначную реакцию как в правительственных кругах, так и среди идеологов "охранительства", о чём свидетельствовали дневниковые записи Л. А. Тихомирова: "Мои "Россия, Китай и Европа" не вызвали и единой строчки похвалы или порицания в русской печати.

²⁷ Тихомиров Л. А. Китай, Россия и Европа // Московские ведомости. 1900. № 242.

²⁸ Там же. № 248.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

Но общий тон в отношении китайских дел заметно изменился³¹. Наиболее близкими по духу были для него публикации в "Санкт-Петербургских ведомостях". Так, он приветствовал "превосходно резкую статью в "Санкт-Петербургских ведомостях" за № 238 С. Трубецкого, обличающую в бессмыслице нашу политику в угоду зарвавшимся французам и требующую раздела Китая"³².

Проповедуемая Л. А. Тихомировым идея мировой христианской миссии России на Дальнем Востоке вызывала раздражение и у современных ему сторонников идеологии славянофильства. Так, его друг славянофил А. А. Киреев в письме, датированном октябрём 1900 г., предостерегал: "Читал с великим интересом Ваши статьи, умные, они поистине православные и, тем не менее, опасные, скажу – вредные... они возбуждают в нашем уме неосуществимые желания, переносят наши слабенькие (увы) силы в далёкий и ненужный нам Восток. И отнимают их у нашего исторического Востока... С какими силами двинем мы на Дальний Восток, их у нас нет! Но это ещё не беда, ежели мы двинемся туда. Беда, ежели мы сдвинем нашу Церковь, наше Государство с вековых устоев. Переселившись на Дальний Восток, мы поневоле должны будем передать наш Восток Папе... Вместо того чтобы на площадях криком кричать – остановитесь, не разрушайте, неразумные люди, не поддавайтесь обману – вы указываете на Дальний Восток и лишаете Ближний Восток нашей кровной истории"³³.

Сдержанно относились к планам продвижения православия на Дальний Восток и официальные круги РПЦ, в том числе обер-прокурор Священного Синода К. П. Победоносцев, о чём в дневнике свидетельствовал Л. А. Тихомиров. Но и это не остановило его в углублении и развитии своих дальневосточных прожектов, выдвигаемых без учёта знакомства с опытом исторического развития Китая и той идеологической роли, которую играла в нём конфуцианская этико-философская доктрина.

Развивая и углубляя свои идеи и предложения относительно китайских дел, Л. А. Тихомиров в октябре 1900 г. на страницах "Московских ведомостей" помещает цикл статей "Христианские задачи России на Дальнем Востоке", где акценты ещё более явственно смещены в сторону религиозной миссии России на Дальнем Востоке. Причём публикация данного цикла статей вызвала недовольство В. А. Грингмута³⁴, считавшего их несвоевременными. "Владимир Андреевич [*Грингмут*. – **Прим. авт.**] отмечает несвоевременность моих "Христианских задач"... Очевидно ему эти статьи почему-то не очень нравятся. Это загадочно. Для православного человека эта статья хороша, по содержанию. Для чиновников Санкт-Петербурга – вероятно нет"³⁵, – отмечал Л. А. Тихомиров.

³¹ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 44.

³² Там же. Л. 40.

³³ *Тихомиров Л. А.* Указ. соч. № 248.

³⁴ Грингмут Владимир Андреевич (1851–1907) – консервативный публицист, общественный деятель. С 1897 по 1907 г. – редактор-издатель "Московских ведомостей".

³⁵ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 59.

Лейтмотивом публикаций явился следующий тезис Л. А. Тихомирова: "Активная политика нации не исчерпывается задачами чисто государственными, и перед Россией стоит на Дальнем Востоке ещё одна задача, наиболее трудная, но и наиболее плодотворная... Я говорю о приобщении Дальнего Востока к миру христианскому. Это приобщение для нас такая обязанность, которая лежит прямо на России как на нации, объединённой своей Церковью. Но и государство не может остаться безразличным к её успеху или неудаче, потому что здесь находится коренной вопрос будущих взаимоотношений с Дальним Востоком"³⁶.

В своих дальнейших размышлениях о недостатках и достоинствах той или иной ветви христианства он вновь открыто выступал с антизападнических позиций. Анализируя роль католической и протестантской конфессий, Л. А. Тихомиров пришёл к выводу, что православные религиозные ценности имеют хорошую перспективу привиться на Дальнем Востоке, и пример тому видел в успехах православия в Японии.

Он полагал, что распространение католицизма и протестантизма приводит к сковыванию национальных интересов государств Дальнего Востока, и усматривал преимущества православия в том, что оно "объединяет верующих в церковь местную, то есть самую национальную", поэтому "естественным последствием приобщения к Православию является создание местных, национальных Церквей, тесно связанных с данными народами, а между собою соединённых Вселенской церковью только действительно высшими началами, для всех Церквей обязательными в равной степени"³⁷.

Несомненно, в чём-то данное утверждение было не лишено смысла, учитывая, например, тот факт, что и в конце XIX в. служба в католических храмах всё ещё велась на мало кому понятном латинском языке. Обосновывая эту мысль, Л. А. Тихомиров резонно заявлял, что "постановление своих уважаемых и известных всем епископов охотнее принимается, чем приказ иностранного пастора во фраке. Ещё важнее, когда появятся свои святые, свои подвижники, что их пример и воздействие для народа более реальны, нежели проповедь чужих людей"³⁸.

Однако, считал он, выполнение такой глобальной задачи, как продвижение православия на Дальнем Востоке, ещё важнее для самой России. "Если бы Россия выполнила свои христианские задачи на Дальнем Востоке, это было бы одним из тех случаев исполнения внешнего долга, при котором мы ближе вникнем в самих себя и для своего развития попутно сделаем, может быть, больше, нежели для тех, кому оказываем помощь"³⁹, – подчёркивал он.

По представлениям Л. А. Тихомирова, Россия, оказавшись на скрещении путей Востока и Запада, должна найти в своём собственном содержании "нечто более высокое, способное надо всеми ими господствовать"

³⁶ Тихомиров Л. А. Христианские задачи России на Дальнем Востоке // Московские ведомости. 1900. № 295.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. № 298.

³⁹ Там же.

(в религиозном, разумеется, плане). "И нет... выхода, кроме одного из двух, – предостерегал он, – или уничтожиться, разложиться на составные части, предоставив одни свои области различным европейским странам, другие – миру ислама, третьи – Китаю и Японии, или же возвыситься над всеми этими сложными, противоречивыми влияниями своим собственным содержанием, найти в своём собственном содержании нечто более высокое, способное над всеми ими господствовать и давать им некоторый тон"⁴⁰.

Развивая эту мысль, Л. А. Тихомиров подчёркивал: "Но если Россия в состоянии будет сделать это внутри себя, то тем самым она решает задачу и для всего мира. Она явилась бы тогда передовой нацией будущей объединённой культуры всего земного шара. А в то же время мы не можем решить задачи внутри страны, не участвуя в жизни Европы, ислама, Дальнего Востока, потому что все они входят в нашу жизнь... по историческому составу и жизни нашей Империи". Таким образом, делал он вывод: "Наше внутреннее развитие неразрывно переплетается с внешними действиями по целому свету, и в настоящее время, когда вдобавок к европейскому захвату всего мира и к оживлению ислама зашевелился и Дальний Восток, окончательно пробил исторический час, ставящий перед нами дилемму: или осознать себя и выступить как мировая сила со всем своим собственным содержанием, или уходить со сцены Истории"⁴¹. А это собственное содержание у России, по его мнению, "сводится к Православию как во внутренней жизни, так и во внешней. Им только создаётся у нас всё наше доброе, и вся наша роль в мире"⁴².

Появление очередной серии статей по дальневосточной тематике вновь не вызвало сколько-нибудь заметной реакции ни в Москве, ни в Санкт-Петербурге. Впрочем, такое положение вещей уже не удивляло Л. А. Тихомирова, отметившего, что "христианские задачи России на Дальнем Востоке, как и следовало ожидать, прошли абсолютно незамеченными. Это и понятно – едва ли Россия вспоминает о Боге без величайших бедствий"⁴³.

С явным неудовольствием воспринимал он и сомнения ряда влиятельных лиц из окружения царя в необходимости резкой политической и особенно религиозной активизации России на Дальнем Востоке. Своё недоумение он доверял страницам дневника, не раз пестревшим в 1900 г. записями, подобными этой: "Характерные слова о нашей "неготовности" к христианской миссии. Это, безусловно, спорно, но разве люди когда-нибудь бывают к этому готовы? ...Меня, собственно, удивляет глубина неверия в наших верхних слоях. Почему у них так сильна вера в ничто? Ведь на это нет никаких оснований"⁴⁴.

⁴⁰ Тихомиров Л. А. Христианские задачи России на Дальнем Востоке // Московские ведомости. 1900. № 295.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л.62.

⁴⁴ Там же. Л. 112.

Тем не менее определённую поддержку предложения Л. А. Тихомирова относительно активизации внешней политики на Дальнем Востоке в столице всё же имели. Выше уже говорилось о некотором сходстве его предложений и предложений сторонников создания "Желтороссии". Причём позиция Л. А. Тихомирова относительно политики России в Китае в свете "восстания боксёров" была намного более проникнута имперским духом нежели, например, точка зрения на этот вопрос признанного эксперта по Китаю князя Э. Э. Ухтомского.

Как отмечает историк А. В. Репников, серьёзно исследовавший концепцию Э. Э. Ухтомского, "свою работу "К событиям в Китае"... он целиком посвятил обоснованию мысли, что Россия не должна была входить в антикитайский блок. Критикуя действия европейских колонизаторов в Китае, князь включал в понятие Востока и Россию, которая, по его словам, уже начинает догадываться, что она является обновлённым Востоком, с которым не только ближайшие азиатские соседи, но и индусы, и китайцы имеют непременно и больше общих интересов и симпатий, нежели с колонизаторами Запада"⁴⁵.

Более жёсткий и прямолинейный подход Л. А. Тихомирова к проблеме умирения Китая просматривается, когда знакомишься с его рецензией на книгу Н. В. Голубцова, повествующую о событиях 1900 г. на Амуре. Тогда цинские войска пытались подвергнуть обстрелу Благовещенск, но получили достойный отпор. В этой небольшой по объёму статье он среди прочего открыто говорил об особой, в том числе и религиозной, миссии России в этом регионе, положительно отзываясь о той стремительности, с которой царское правительство отреагировало на вылазку китайцев⁴⁶.

Отметим также, что кроме литературной деятельности на уровне пропаганды идеи скорейшего цивилизационного проникновения и закрепления России на дальневосточных рубежах, Л. А. Тихомиров явился также инициатором и ряда практических мероприятий в этом вопросе. Особенно активное участие в китайских делах он начал принимать после того, как летом 1900 г. были получены сообщения о захвате и разграблении Пекинской миссии и массовых убийствах и истязаниях китайцев, принявших православие.

В сложившейся ситуации Л. А. Тихомиров вступил в переписку с К. П. Победоносцевым и церковными иерархами, настаивая на скорейшем восстановлении Пекинской миссии⁴⁷. Первоначально К. П. Победоносцев относился к деятельности Л. А. Тихомирова достаточно осторожно. А вот в кругах представителей РПЦ его позиция нашла определённую поддержку. За статьи о христианских задачах на Дальнем Востоке его тепло благодарил в письмах архимандрит Никон: "Искреннее спасибо Вам за истинно православные статьи о наших христианских задачах в Китае. Но, Боже, как сами-то мы, даже монахи,

⁴⁵ Репников А. В. Указ. соч. С. 226.

⁴⁶ Тихомиров Л. А. Рецензия на книгу Н. В. Голубцова "Восточные события 1900 г. на Амуре" // Московские ведомости. 1901. № 316.

⁴⁷ Милевский О. А. Указ. соч. С. 55–56.

нуждаемся в духовном обновлении и своего рода миссии", – писал он, добавляя при этом: "Страшно подумать, как мы не готовы"⁴⁸.

Благодаря активной деятельности Л. А. Тихомирова в "Московских ведомостях" возник настоящий штаб по сбору средств на восстановление миссии, хотя официально решение ещё не было принято, да и владелец газеты В. А. Грингмут не слишком разделял увлечений своего коллеги по журналистскому цеху.

Однако вскоре ситуация кардинально изменилась. Проявив недюжинную инициативу, Л. А. Тихомиров сумел сформировать общественное мнение. Удалось добиться перелома в отношении к этому вопросу и у К. П. Победоносцева. Именно через него отправили приветственную телеграмму архимандриту Иннокентию⁴⁹, стоявшему во главе миссии с 1896 г. и пережившему вместе с ней "боксёрское восстание".

В конце 1900 г. сбор средств для нужд миссии активизировался. Л. А. Тихомиров сумел привлечь в качестве жертвователей и церковных иерархов. В своём дневнике он отмечал: "Епископ Паросский прислал на китайцев 50 рублей и обещал ещё". Кроме того, к делу сбора денег по его инициативе присоединились практически вся редакция "Московских ведомостей" и его собственное семейство. Сам Л. А. Тихомиров первоначально пожертвовал на миссию 14 рублей, а всего семья Тихомировых передала для её восстановления 21 руб. 20 коп.⁵⁰ Всего же к февралю 1901 г. удалось собрать около 460 руб. "Главное же, – пишет Л. А. Тихомиров, – пробить кору русского равнодушия к задачам христианства на Дальнем Востоке"⁵¹.

В начале 1901 г. в "Московских ведомостях" появляется его статья "Православие на Дальнем Востоке в 1900 г." Рассказывая в ней о разгроме православной миссии о. Иннокентия в Пекине, автор, тем не менее, акцентировал внимание на мысли, что дело развития православия в Китае отнюдь не безнадежно. В качестве положительного примера публицист приводит данные об успехах миссии архимандрита Николая⁵² в Японии⁵³ и о деятельности Корейской православной миссии⁵⁴.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 121.

⁴⁹ Архимандрит Иннокентий (Фигуровский) был возведён в 1902 г. в сан епископа Переяславского, каковой титул был присвоен Святителю Иннокентию, когда он отправлялся в 1721 г. в Пекин. Владыка Иннокентий скончался в Пекине в сане митрополита в 30-х гг. XX в. (См.: *Тальберг Н.* Указ. соч. С. 774.)

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 124.

⁵¹ Там же. Л. 82.

⁵² Архиепископ Николай Японский (1836–1912), в миру И. Д. Касаткин, после рукоположения в сан иеромонаха в 1860 г. выразил желание отправиться в Японию, где первоначально получил должность настоятеля консульской церкви. Там он более полувека занимался миссионерской деятельностью. Основал семинарию, школы богословия, иконописную мастерскую. Овладев японским языком, перевёл на него Священное Писание. Был назначен начальником Русской духовной миссии. В 1906 г. возведён в сан архиепископа (см.: *Репников А. В.* Указ. соч. 2007. С. 231).

⁵³ В 1895 г. Японская православная церковь насчитывала 220 общин и свыше 22,5 тыс. душ православных христиан, обслуживалась 28 священниками. Школа в Токио обратилась в семинарию, которая в 1882 г. совершила первый выпуск воспитанников (см.: *Тальберг Н.* Указ. соч. С. 775).

⁵⁴ *Тихомиров Л. А.* Православие на Дальнем Востоке в 1900 г. // Московские ведомости. 1901. № 7.

В конце концов активность Л. А. Тихомирова в продвижении идеи восстановления миссии имела успех. На проблему обратило внимание и высшее духовенство. 2 марта 1901 г. митрополит Антоний (А. В. Вадковский) прислал на нужды миссии 1 тыс. руб., а в октябре 1901 г. Л. А. Тихомиров радостно отмечал в дневнике: "Письмо от о. Иннокентия Китайского очень радует: он убедил митрополита Антония и Победоносцева, и китайская миссия сохраняется"⁵⁵.

Несмотря на определённые трудности, связанные с деятельностью Пекинской миссии, под руководством о. Иннокентия и при поддержке РПЦ она продолжала свою деятельность. Л. А. Тихомиров и в дальнейшем следил за её работой. Так, в 1904 г. появилась его статья "Вести о Китайском православии". В ней он сообщал об открытии в Успенском соборе в Пекине типографии и о переводе в Пекин редакции "Известий братства Православной церкви в Китае", первые девять номеров этого издания вышли в Харбине. С радостью он информировал и о том, что православные идеи достигли крупнейшего города Поднебесной – Шанхая. Там миссия приобрела участок земли, где были построены церковь и школа, в которой обучались 24 ученика. С восторгом писал Л. А. Тихомиров и том, что "китайцы, имеющие духовное звание, почти все из "албазинцев"⁵⁶, и даже не знающие по-русски помнят своё русское происхождение"⁵⁷.

Пропаганда необходимости распространения православия на Дальнем Востоке настолько захватила Л. А. Тихомирова, что он, от природы не очень способный к языкам, взялся за изучение японского, чтобы составить специальный словарь необходимых православных понятий и терминов для японской миссии. Более того, в начале XX в. он переписывался с православным японцем Какусабуру Сенумой⁵⁸.

В ноябре 1901 г. Л. А. Тихомиров на страницах дневника отмечал: "Я сегодня закончил кое-как свой Японский словарь, ещё 1700 похожих по смыслу и орфографии слов. Это, конечно, очень мало, но для меня и это победа"⁵⁹. Он активно переписывался и с главой японской миссии о. Николаем. В дневниках, которые о. Николай вёл с 1870 по 1912 г., имя Л. А. Тихомирова упоминается неоднократно⁶⁰. В фонде Л. А. Тихомирова сохранилось письмо о. Николая с благодарностью за поддержку миссии. Из него явствует, что брошюра Л. А. Тихомирова "Христианские задачи России на Дальнем Востоке" будет переведена на японский язык для распространения среди крещёных в православие японцев. Высоко оценивал о. Николай и подвижническую деятельность Л. А. Тихомирова в вопросах распространения православия на Дальнем Востоке: "Писания Ваши послужат делу Японской православной церкви, столько же развитию и

⁵⁵ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 132.

⁵⁶ Албазинский острог был построен казаками на левом берегу Амура примерно в 1654 г. Позднее стал центром русских поселений в Приамурье, занимал ключевые позиции на амурском пути. Был срыт после подписания Нерчинского договора 1689 г. (см.: Яковлева П. Т. Первый Русско-китайский договор 1689 года. М., 1958).

⁵⁷ Тихомиров Л. А. Вести о Китайском православии // Московские ведомости. 1904. № 181.

⁵⁸ Ретников А. В. Указ. соч. С. 263.

⁵⁹ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 87.

⁶⁰ Дневники св. Николая Японского / сост. К. Накамура. В 5 т. СПб., 2004.

укреплению в русском народе сознания миссионерского назначения относительно языческого и неправославного мира", – подчёркивал глава миссии⁶¹. Сам же Л. А. Тихомиров активно хлопотал по делам Японской миссии, определив для неё следующие приоритетные задачи: (1) облегчение ссуды для бедных приходов; (2) строительство храма в Нагасаки; (3) организация первого японского монастыря⁶².

Дети Л. А. Тихомирова под его влиянием тоже активно участвовали в этих начинаниях. Так, его дочь, Вера, опубликовала в "Московских ведомостях" за 1904–1905 гг. ряд небольших заметок, повествовавших о жизни восстановленной Пекинской миссии⁶³. Не забывал о ней и сам Л. А. Тихомиров, стремившийся максимально подробно информировать читателей о её судьбе, чем несомненно поддерживал интерес к деятельности миссии⁶⁴. Столь активная общественная позиция Л. А. Тихомирова не могла не добавить ему политического веса и в столичных кругах. Ещё больше упрочил он свой авторитет и среди православного клира.

Тем не менее Л. А. Тихомиров считал, что российское правительство, а за ним и РПЦ, прилагают недостаточные усилия для продвижения русского влияния на Дальнем Востоке. В 1902 г. он опубликовал статью "Наше миссионерское дело". Рассматривая в ней деятельность Православного миссионерского общества, Л. А. Тихомиров обращал внимание на то обстоятельство, что "когда мы говорим о православной миссии, мы говорим почти исключительно о деятельности, проявленной русскими силами", но и она явно недостаточна. Для сравнения он приводил Маньчжурию – сферу российского политического влияния, где, однако, у православия не было практически ничего, а Рим имел 160 храмов и часовен, 18 школ, 2 семинарии, 30 европейских и 12 туземных миссионеров⁶⁵.

Сравнивая то, что сделано всемирной католической церковью и РПЦ, Л. А. Тихомиров ставил вопрос о необходимости резкой активизации работы Православного миссионерского общества, об усилении его печатной пропаганды, публичных чтений и т.п. Но что самое главное – для решения новых всемирно-исторических задач, стоящих перед православием, Л. А. Тихомиров предлагал ставить вопрос ещё шире – о полезности создания "Вселенской православной миссии"⁶⁶. Углублению его интереса к дальневосточному региону способствовала начавшаяся Русско-японская война.

В "Московских ведомостях" Л. А. Тихомиров публиковал статьи о военных действиях на Дальнем Востоке⁶⁷. При этом он не забывал увязывать геополитическую составляющую событий на Тихом океане

⁶¹ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 136.

⁶² ГА РФ. Там же. Л. 137.

⁶³ Тихомирова В. Л. О православной миссии в Китае // Московские ведомости. 1905. № 19.

⁶⁴ Тихомиров Л. А. Новогоднее приветствие из Пекина // Там же. 1904. № 51.

⁶⁵ Тихомиров Л. А. Наше миссионерское дело // Там же. 1902. № 280.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Тихомиров Л. А. О смысле войны. М., 1904; Его же. Русско-японский спор // Московские ведомости. 1904. № 101.

с судьбами православия в этом регионе. Такой постановкой вопроса проникнута его статья "Война и японское православие"⁶⁸.

В сочинениях этого периода он полностью одобрял царскую политику, так как считал эту войну оборонительной. Более того, в одной из своих статей он заявлял, что "настоящая война должна иметь своей задачей... достижение мира на Дальнем Востоке"⁶⁹. Под этим Л. А. Тихомиров понимал не только полный и окончательный разгром Японии в Корее и Маньчжурии, но и перенесение боевых действий на территорию агрессора. Он считал, что "если Россия окажется способной только погнать Японию, то это будет доказательством, что с её появлением на Дальнем Востоке соотношение сил осталось прежнее... и единственное средство прочного мира – перенесение военных действий на территорию Японии"⁷⁰.

Дело в том, что это военное столкновение было для него во многом символичным. По мнению Л. А. Тихомирова, оно не столько знаменовало собой войну двух империй за геополитическое влияние в регионе, сколько служило воплощением его недавних пророчеств о столкновении двух миров: мира христианского, защитником целостности которого выступает Россия, и мира панмонголистского. Он искренне думал, что столкновение этих двух миров – своеобразный очистительный вызов России и, соответственно, мыслящему российскому обществу, погрязшему за период мирного развития в декадансе, безрелигиозности и духовной нищете.

Л. А. Тихомиров считал, что эта война – ещё один шанс для верховной власти и народа России "объединиться в церковно-государственной симфонии под сенью высшего нравственного закона". Сделать это можно только через достижение конкретной внешнеполитической цели и осознание высоты поставленных перед российской монархией всемирно-исторических задач, непосредственно вытекающих из взятой на себя особой религиозной миссии, включающей в себя и продвижение православия дальше на Восток.

В цикле статей "О смысле войны", первоначально увидевшем свет в "Московских ведомостях" в 1904 г., он предостерегал: "А между тем на Дальнем Востоке уже загоралась гроза кары, и дай Бог, чтобы гроза вразумления"⁷¹. Не скрывая своих чувств, вызванных военным противостоянием двух держав, автор подчёркивал, что "на берегах Тихого океана поднимается вопрос всемирно-исторический, при решении которого потребуются все наши способности бороться и управлять".

Развивая свою мысль далее, он бросал определённым слоям русского общества упрёк в "декадансе", в дряблости чувств⁷². В основном гневные эскапады направлялись против, как он считал, антинациональной по духу интеллигенции, порождавшей, по его мнению, опасные пацифистские идеи о жестокости войны, причём в подкрепление своих мыслей

⁶⁸ Тихомиров Л. А. Война и Японское православие // Московские ведомости. 1904. № 240.

⁶⁹ Тихомиров Л. А. Война на Японской территории // Там же. 1904. № 91.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Тихомиров Л. А. О смысле войны // Апология монархии и веры. М., 1999. С. 414.

⁷² Там же. С. 411.

автор апеллировал к творчеству Ф. М. Достоевского и В. С. Соловьёва. Главный же постулат статьи содержался в тезисе: "Дело война – всегда чисто, если бы даже Отечество начало несправедливую войну"⁷³, а, по его представлениям, война на Тихом океане не только справедлива, но и необходима для сохранения российского присутствия в этом районе мира и, что не менее важно, для укрепления там православных ценностей.

Он утверждал, что "всякая нация, которой дано всемирное содержание, должна быть сильна, крепка и не должна ни на минуту забывать, что заключающаяся в ней идея правды постоянно требует существования защищающей её силы". По Л. А. Тихомирову, "война как вооружённая защита этой национальной идеи, как орудие её распространения и утверждения есть и будет явлением необходимым, без которого при известных условиях невозможны ни жизнь нации, ни окончательное торжество той общечеловеческой идеи, которая в результате окажется величайшей, наиболее объединительной, наиболее способной дать мир народам"⁷⁴.

Вообще данная работа Л. А. Тихомирова даёт достаточно материала, проливающего свет на его геополитические и историософские воззрения того времени: мы видим перед собой последователя "субъективного метода", дюрингианца и сторонника Т. Карлейля, уверовавшего в роль силы в историческом процессе. Яркое тому подтверждение – обоснование им "истинного смысла войны". "Война, – пишет он, – имеет смысл очень глубокий, который делает обязательным уважение не к убийству, но к исторической роли силы"⁷⁵.

Дальнейшие события этой неудачной войны привели к поражению России и подтолкнули её к революции 1905 г. Выходом из создавшейся ситуации стало подписание С. Ю. Витте Портсмутского мирного договора, в значительной мере "выдавившего" Россию из Китая и ослабившего её влияние на Дальнем Востоке. Л. А. Тихомиров, как и большинство "правых", этот мир не принял, назвав его позорным. Для него подписание подобного договора было крахом мечты не только о геополитической гегемонии России на Тихом океане, но и об усилении там православного влияния.

Однако даже оглушительные неудачи в войне не охладили его интереса к продвижению православия на Дальнем Востоке, тем более что Пекинская, Корейская и Японская миссии продолжали свою работу. Так, в труднейших условиях войны активно действовала Японская миссия. В 1906 г. Л. А. Тихомиров опубликовал статью "Отчёт Японской духовной миссии", из которой явствовало, что в годы войны 17 священников и 6 дьяконов – сотрудники миссии – активно помогали 80 тыс. русских пленным, а всего пожертвований миссия получила 97 тыс. руб.⁷⁶ Из этого он делал вывод, что невзирая на объективные трудности дело пропаганды

⁷³ Тихомиров Л. А. О смысле войны // Апология монархии и веры. М., 1999. С. 420.

⁷⁴ Там же. С. 424.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Тихомиров Л. А. Отчёт Японской духовной миссии // Московские ведомости. 1906. № 131.

православия в Японии развивается, и ничего для этого ещё не потеряно, а нужна лишь поддержка со стороны государства и церкви.

Дела пропаганды православия в Японии Л. А. Тихомиров не оставлял и позже, надеясь достучаться до официальных лиц в правительстве и РПЦ. Видя всю инертность этих учреждений, он в одной из своих статей за 1907 г. сетовал, что "погружённые в свои внутренние неурядицы, мы теперь махнули рукой на все свои культурные задачи внутри и вне страны". "Большая это ошибка", – предостерегал он. И продолжал далее: "Политической неумелости и беспомощности своей мы не поможем, а культурное слабосилие, из которого оно проистекает, только увеличиваем, допуская разрушение даже и тех немногих "храмин", которые были созданы в прошлом. К числу таких "храмин" принадлежит и Японская православная церковь"⁷⁷.

Для поддержания жизнеспособности миссии, объединявшей 28 тыс. человек, от России ежегодно требовалось 20 тыс. руб., а собственные сборы её составляли примерно 8 тыс.⁷⁸ И Л. А. Тихомиров буквально умолял "официальный Петербург" озаботиться этой проблемой, дабы не погубить те "православные всходы", которые уже появились в Японии.

Дальнейшие события в жизни Л. А. Тихомирова – его отъезд в столицу на службу в Главное управление по делам печати (1907–1908 гг.) – на некоторое время отвлекли его от вопросов, связанных с пропагандой идеи активной миссионерской деятельности по продвижению православия на сопредельные с Россией территории. Став же во главе "Московских ведомостей" в 1909 г., он был в основном озабочен проблемами внутрицерковной реформы, чтобы в дальнейшем использовать ресурсы обновлённой РПЦ для исполнения Россией своей всемирно-исторической миссии.

Л. А. Тихомирова в целом не устраивала ситуация, сложившаяся в стране после подавления Первой русской революции 1905 г. Наступившая эпоха некоторой политической стабилизации и экономического подъёма, всё большее наступление Думы на права верховной власти, по его мнению, вели страну по пути превращения в заштатную монархию, выстроенную на европейский лад. Подобное положение вещей было чревато для России, по мнению Л. А. Тихомирова, утратой своих национальных идеалов служения православной монархической идее и капитуляцией страны перед модернизационным натиском прагматичной и безрелигиозной Европы.

В 1909 г. он в одной из статей напишет: "В этой захудалости национальной жизни, в принижении её тона основную причину составляет забвение общих целей существования нашего как нации. Мелкий оппозиционизм, узенькая практичность уместны только при одном условии, если под этой корой житейской прозы горит огонь идеала... Горе народу, когда он забудет свои общие идеалы и отдастся мелким практическим целям"⁷⁹.

⁷⁷ Тихомиров Л. А. Усиление бюджета Японской миссии // Московские ведомости. 1907. № 64.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Тихомиров Л. А. Мировые задачи России // Московские ведомости. 1909. № 130.

Таким образом, предложения Л. А. Тихомирова, направленные на реализацию идеи усиления миссионерской деятельности по пропаганде православия и тесно связанные, по его мнению, с геополитическими интересами России на Дальнем Востоке, фактически не нашли поддержки официальных властей. Они так и не стали той объединяющей идеей, которая, по его мысли, больше нужна была самой России, ибо, проникнувшись ею, верховная власть и народ могли перестроить и собственную жизнь по некогда существовавшим церковно-государственным канонам.

Много позднее, в 1916 г., на страницах своего дневника он с грустью писал: "Роясь в бумагах, нашёл эту тетрадь. Это была когда-то книга моих упражнений в китайском языке... Я занимался китайским языком ещё до боксёрского восстания. А эту тетрадь пустил для занятий примерно скоро по взятии Пекина, когда архимандрит Иннокентий был только рукоположен во епископы и отправился в Китай с радужными мечтами возродить или, точнее, создать Православную Китайскую церковь. Я тогда мечтал, коли Бог поможет, съездить к нему, чтобы посмотреть лично на этот новый росток Православия и помогать потом Иннокентию отсюда с той смелостью, которую даёт личное знакомство с описываемыми местами и деятельностью.

Увы! С тех пор прошло, стало быть, около 14 лет. Китай, Китай! Где тут думать о Китае! Спрашиваешь себя: в какой степени уцелеет Православие в России? Пожалуй, и у самого Иннокентия опустились руки. А я – даже уже и негоден никуда, и мне не до Китая. Вырвал свои "упражнения", бросил в печку... А ведь сколько было светлых и бодрых надежд, зародившихся в царствование Александра III, когда, казалось, воскресла русская духовная сила, и ежегодно быстро возрастала русская мощь. Я тогда ещё более старался для Японии и японский язык почти изучил. Ещё бы немного – и я стал бы уже читать по-японски. Я мечтал сделать, сколько сил хватит, для епископа Николая, с которым находился в постоянных сношениях, и для епископа Иннокентия. Цвет русского епископства. Двое таких, подобных которым не оставалось в России. Я мечтал, что Россия дружески сойдётся и с Японией, и с Китаем, и что мы на Дальнем Востоке сыграем великую и славную роль... Всё смело, всё уничтожило проклятое время безумной политики, в которой глупость, алчность и бессовестное попираание чужих прав привели к позору и разгрому России и уничтожению всех надежд на Тихом океане"⁸⁰.

* *
*

Общественно-политическая деятельность Л. А. Тихомирова, нацеленная на пропаганду идеи возвращения к "идеальной монархии" через

⁸⁰ Дневник Л. А. Тихомирова 1915–1917 гг. / сост. А. В. Репников. М., 2008. С. 273.

осуществление в стране программы "национальных реформ", куда составной частью были бы включены и его геополитические проекты, так и не была реализована в царской России.

Но и более чем 70-летняя история России социалистической обогатила нас не только отрицательным опытом. Она лишний раз подтвердила тот факт, что народы, забывающие своё историческое прошлое, обречены если не исчезнуть, то вернуться к своим истокам. И в этом смысле теоретическое наследие Л. А. Тихомирова и его последователей, несмотря на ряд спорных и даже прямо нереализуемых моментов, очень актуально, а многие его предостережения кажутся в свете сегодняшнего дня пророческими. Поэтому неудивителен и интерес к его работам по социально-политической, религиозной и геополитической тематике.

Конечно, в рассматриваемый нами исторический период выдвинутые Л. А. Тихомировым проекты не могли быть реализованы в полном объёме, так как до конца не учитывали сложившихся геополитических реалий. Более того, его предложения, особенно касающиеся Китая и углубления там православной экспансии, во многом делались без учёта социокультурных традиций и историко-политического опыта развития этой страны. Намного проще было западным державам, в том числе и России, реализовать политические проекты по разделу Китая на "сферы влияния" в конце XIX в., нежели добиться его культурной ассимиляции и растворения в христианской цивилизации, чего не удавалось ни одному из государств-империй, захватывавших эту страну на протяжении тысячелетий.

В данном контексте не лишне будет обратиться к наблюдениям современника Л. А. Тихомирова, вице-короля Индии лорда Керзона, писавшего, что "по данным 1890 г., миссионеров в Китае было около 1300 человек, а китайцев-христиан 37 тыс. 300 человек, т.е. на каждого миссионера приходилось по 30 учеников. При сопоставлении с общей численностью населения Китая на каждые 100 тыс. человек приходится только один христианин. Проработав 50 лет, миссионеры, однако, большего достичь не смогли. Ясно, что их деятельность не принесла большой пользы"⁸¹.

В целом несомненно, что предлагаемые Л. А. Тихомировым проекты были проникнуты идеей "русского мессианства" и зачастую не подкреплялись политической практикой, как было, например, в годы Русско-японской войны. Однако нельзя не отметить и ряд его замечаний, крайне актуальных и сегодня, особенно касающихся весьма пассивного освоения Россией собственных дальневосточных территорий и недостаточной роли, которую играла там РПЦ, очень вяло борющаяся за духовное влияние на местное население.

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что Л. А. Тихомиров выступал с достаточно нетрадиционной для русских консерваторов платформы. В отличие от неославянофилов и их многочисленных адептов, он фактически дистанцировался от всегда популярного в консервативной среде славянского вопроса, отталкиваясь от которого традиционалисты обычно и формулировали "мессианскую роль" России.

⁸¹ Цит. по: *Фань Вэнь-лань*. Новая история Китая. М., 1955. С. 579–580.

Л. А. Тихомиров, во многом следуя историософским традициям К. Н. Леонтьева, не придавал решающего значения славянскому вопросу. Можно согласиться с авторами, считающими, что для "Л. Тихомирова (как и для К. Леонтьева) более важную роль играл религиозный, а не "племенной" фактор"⁸². Действительно, для него перспектива расширения "православной ойкумены", в том числе и на Дальнем Востоке, была важнее простой и, по сути, арифметической задачи объединения славянских земель под политико-культурным главенством Российской империи.

Ключевые слова: *Дальний Восток – Россия – геополитика – консерватизм – православие – Китай – модернизация.*

Keywords: *Far East – Russia – geopolitics – conservatism – orthodoxy – China – modernization.*

---

⁸² *Попов Э. А. Указ. соч. С. 148.*